

Сергель Борис Иосифович, 83 года, активист «Региональной организации «Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей», учитель истории, участник проекта «Я из прошлого протягиваю мост».

СЫН РОССИИ

После окончания института я был направлен на работу в небольшой город Черноморья. Его старожилы хорошо знали друг друга и всё друг о друге.

Три года я проработал учителем средней школы, а на четвёртый, неожиданно для себя, был назначен заведующим учебной частью соседней восьмилетней школы.

В определённом смысле это была историческая школа: здесь ещё в дореволюционное время была открыта первая в городе церковно-приходская школа для девочек. Здание в порядке благотворительности было выстроено

графиней Воронцовой-Дашковой. Рассказывали, что при закладке здания она собственноручно положила золотой под восточный угол фундамента.

Классы были просторными, с большими окнами и высокими потолками. Удивительно, что здание уцелело, несмотря на жестокие бомбардировки и бои, два года сотрясавшие город в Великую Отечественную войну.

В своей новой должности я почувствовал себя желторотым птенцом. Признаюсь, меня тронуло доверие и уважение, которые я ощутил в отношении к себе со стороны учителей, учеников и даже школьных нянечек. Поэтому я стремился поскорее вникнуть во все детали и особенности учебной и воспитательной работы.

Скоро ученики перестали быть для меня безликой массой. Вот я стал выделять среди них хороших учеников и тех, кого мы, педагоги, именуем трудными или слабыми.

Среди последних мне бросился в глаза мальчонка, который учился в пятом классе. Худенький, белобрысый, с голубыми глазами и остреньким носиком. Товарищи по классу явно сторонились его, не пропуская случая стукнуть, толкнуть, демонстративно выразить своё нерасположение. Я искал объяснение их поведению и не находил ответа. Неужели, думал я, ребята начисто лишены чувства сострадания к более слабому товарищу.

Скоро я убедился, что всё было более сложным, нежели я предполагал.

В одну из перемен, наблюдая детей, резвившихся во дворе школы, я услышал, что мальчика обзывают Фрицем. За этим что-то кроется, подумалось мне.

Невзначай обратился к классному руководителю. От неё я узнал, что мальчика зовут Колей, фамилия Белых.

- Почему одноклассники проявляют к нему открытое недружелюбие? Почему его кличут Фрицем?

Учительница смутилась, но после неловкого молчания рассказала, что мать Коли, как и все жители города перед отступлением была угнана немецкими оккупантами в Крым, а затем на Украину. Там на исходе войны, совсем девочкой, была изнасилована немецким солдатом. Забеременела. Родила весной 1945 года. Возвратилась домой матерью. Эту историю знали все соседи, а потом и их дети, которые не понимали что ребенок ни в чём не виноват.

Война окончилась совсем недавно, и оставалась незаживающей раной в сознании взрослых. А те, кто родился после войны, знали о её ужасах от родителей из первых уст. Судьбу Коли они восприняли в соответствии со своим возрастом и своим пониманием войны и врага.

9 мая мы проводили пионерский дружинный сбор, посвящённый Дню Победы.

Стоял тёплый солнечный день. Деревья и кустарники были сплошь покрыты молодой листвой. Учащиеся школы пребывали в приподнятом настроении, одеты в парадную форму - темный низ, белая рубашка, красный галстук. Среди детей, ожидавших построения, я заметил Колю, который тоже был в чистовыстиранной белой рубашке, при пионерском галстуке. Он всем своим видом разделял со сверстниками приподнятость настроения и святость переживаемого момента. Последовала команда старшей пионервожатой:

- Отрядам построиться!

Я наблюдал построение. И снова во мне болью отозвалось увиденное: Коля пытался занять своё место в строю отряда, но повсюду, куда он устремлялся, перед ним молчаливо смыкались плечи одноклассников. Мальчик был близок к отчаянию. Пришлось вмешаться мне.

С этого дня я не выпускал Колю из поля зрения. Он тянулся ко мне. Иногда мы вместе прохаживались на перемене в школьном коридоре, либо в хорошую погоду во дворе. Бывало он заходил ко мне в кабинет, и я понимал, почему он это делает.

Мне хотелось и словом воздействовать на товарищей Коли. Я решился без свидетелей поговорить с двумя главными заводилами класса, теми, кого мы именуем неформальными лидерами.

Объяснять проблему Коли пятиклассникам я не счёл возможным. Я рассказал им, что подростком мне довелось на оккупированной территории увидеть более того, что случилось с мамой Коли. Они, безусловно понимали, о чём идёт речь. Я предложил им подробно возвратиться к этой теме, когда они станут повзрослей.

Не берусь судить насколько я помог Коле и помог ли вообще.

Я точно знал, что в нашей послевоенной стране,- детей, подобных Коле, не единицы. Сколько их? Одному Богу известно! Тема была закрытой, официальная педагогическая общественность тему не обсуждала, но я мысленно вновь и вновь возвращался к ней и пытался решить или обозначить её хотя бы для самого себя.

Моё отношение к теме я сформулировал в этих нескладных стихах, которые набросал в те дни:

Он сын немецкого солдата.

Его славянка родила.

Солдат над нею надругался,

Когда война на Запад шла.

Война Россию не сломила,

Но её больно обожгла.

И по традиции суровой

Врагу урок преподала.

Враги ушли, а боль осталась

Молва безжалостна всегда.

Беда к беде: наглядным стало –

Славянка жизнь в себе несла.

Мораль природе не наставник,

Природа жизнь сама творит

.....

.....

Гремели залпы под Берлином,

Страна надеждою жила,

И в день Победы долгожданной

Славянка сына родила.

Скажите мне, кто этот мальчик?

Какой страны он гражданин?

Молчите? Медлите.....скажу:

Он сын России оскорблённой,

Победы день - отец ему!!

Коля окончил нашу школу, а вскоре и я уехал из города. Я надолго потерял его из поля зрения.

Но в городе своей молодости я бывал довольно часто. Посетил его я как-то и в конце 70-х годов.

Мы с женой вошли в недавно открывшийся рыбный магазин «Океан». Как ни странно в нём был и мясной отдел. Все свободное пространство отдела заполняла длиннущая очередь. Продавали свинину. В эти годы с продажей мяса в магазинах становилось всё хуже и хуже. Мы стали в очередь последними, терпеливо ожидали, когда окажемся у заветного прилавка.

Из служебного помещения вышел молодой мужчина в белоснежной куртке и форменной шапочке. Он остановился за прилавком, внимательно присматриваясь к работе продавцов, изредка отдавая какие-то распоряжения. Мужчина был светловолос, с голубыми глазами, широкоплеч и по-своему элегантен. Чувствовалось, что дело он своё знает и уверенности в себе ему не занимать. Сознывая, что он производит впечатление на окружающих, уходить не торопился.

Мужчина окинул беглым взглядом очередь. Его глаза почему-то задержались на мне, в них я уловил неподдельное внимание и нескрываемый интерес. Я ощутил даже определённую неловкость.

Затем он решительно подошёл к прилавку и спросил меня.

- Вы...? Он назвал моё имя, отчество. Я ответил утвердительно, одновременно соображая, кто это может быть.

- А Вы помните меня?

Меня ошеломил рой мыслей. Я безуспешно старался что-то вспомнить, но не мог. По странной интуиции я ответил:

- Да... Хотя в этот момент я ещё не осознал с кем имею дело. Мой мозг судорожно перебирал знакомства, встречи, имена. Что-то до боли знакомое я улавливал в чертах лица этого молодого человека и старался возможно скорее преодолеть собственную неловкость... Наконец я вспомнил и произнёс:

- Да, я помню. Вы - Коля Белых.

Он был приятно удивлён моей памяти и явно обрадован, что я его через столько лет не забыл.

- Как Вы живёте?

Я в двух словах рассказал о себе и тот же вопрос задал ему.

- Успешно работаю в торговле. Заведую отделом. А знаете, мама жива и здорова, живёт при мне. Мы вспоминаем Вас... Что Вы намерены сейчас купить?

Я ответил. Коля отошёл от прилавка. Скрылся в ближайшей двери и скоро возвратился, неся в руках свиной окорок. Отодвинув продавца, бросил целый окорок на деревянную колоду, двумя точными ударами отсёк края, положил середину на весы и назвал положенную цену.

Наша очередь далеко ещё не подошла. Я понимал, что подобная форма обслуживания избранных покупателей очередников не устраивала. Моя супруга, опасаясь скандала, покинула меня. Я сам буквально втянул голову в плечи, ожидая взрыва негодования.

Коля точно оценил своеобразие момента. Сохраняя спокойствие и собственное достоинство, он громко объявил всей очереди:

- Это мой учитель!.....и назвал меня по имени и отчеству. Как это было ни странным, но публика не взорвалась. Вот так!

Спасибо тебе, Коля, на этом. Убедил меня. Ты - сын России!

Воспоминания записала и оформила

Кристина Боткина

2012г